Единая теория всего. Том 4 (финальный). Антропный принцип, продолжение

Автор:
Константин Образцов

Единая теория всего. Том 4 (финальный). Антропный принцип, продолжение

Константин Образцов

Образцовая фантастика К. Образцова #4

Долгожданное завершение романа, который читатели ждали два года. Первые три книги Образцова разошлись суммарным тиражом почти 50 000 экз. Новый том, продолжение, написан в жанре научной фантастики, сохраняет фирменный авторский стиль, яркую атмосферность, увлекательный сюжет с несколькими кульминациями, интригующие тайны. А абсолютно точно прописанные детали советской эпохи передают дух и колорит 80-х годов.

Задумайтесь: если бы миллионы лет назад какая-то неведомая сила ничтожно отклонила Землю от ее оси вращения, на абсолютно малую величину удалила или приблизила к Солнцу, изменила параметры тяготения – то жизнь на нашей планете никогда бы не зародилась. Вероятность того, что планета случайно заняла столь специфические параметры, равна одному из 2,04х10390. Т. е. почти нулю.

И вы по-прежнему будете утверждать, что жизнь на нашей планете зародилась спонтанно?

А если все-таки не спонтанно, то кем же наша цивилизация была придумана? Для чего? Запредельный для нашего понимания эксперимент некоего сверхразума? А когда этот эксперимент под названием «человечество» закончится, то нас всех просто сотрут с доски без следа, как решенное уравнение?

Ленинград, август 1984 года. Закат великой советской эпохи.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности…

Этот роман относится к тому замечательному виду фантастики, который способен дать исчерпывающие ответы на самые сложные вопросы человечества: кто мы? для чего мы? Константин Образцов, признанный мастер глубочайших психологических триллеров, работал над ним много лет, объединив захватывающим сюжетом проявления едва ли не всех известных цивилизации человеческих чувств, достоинств и пороков.

Роман дает богатейшую пищу для размышлений о природе реальности, парадоксах истории, пределах человеческого познания и происхождении Вселенной. Уникальное смешение жанров, когда классический милицейский детектив вдруг начинает обретать признаки булгаковской чертовщины, а затем и вовсе трансформируется в научную фантастику.

«"Единая теория всего" доказывает, что Образцов прекрасно пишет в разных жанрах. Даже в таком сложном, на мой взгляд, как фантастика. Интереснейший сюжет, прекрасный язык, отлично переданная атмосфера Ленинграда 80-х. Оторваться от чтения будет невозможно». – Ольга @olga_depeche

Константин Образцов

Единая теория всего

Том 4

* * *

Вчерашний салат «Оливье» и заветренная селедка «под шубой» улетели в мгновение ока. Внезапный голод был ошеломляюще яростным – внутри словно кто-то рычал, выл и неистово лязгал хищными челюстями, крутясь и норовя ухватить собственный хвост. Я еще вполне сносно чувствовал себя, когда Кардинал заехал за мной в котельную; спокойно доехал с ним на его неброской серой «копейке» до Кронверкской набережной – удивился только, когда мы вышли из машины и направились через безлюдный деревянный мостик к замкнутым воротам Петропавловской крепости, и удивился еще раз тому, что дверь в них оказалась открыта, и мы прошли через нее в неподвижную утреннюю тишину пустынного крепостного двора, совершеннейшее безмолвие которой нарушалось лишь еле слышным шорохом крыльев ранних птиц, стремительно проносившихся над пыльной брусчаткой. Потом мы повернули налево, вошли в ресторан, что располагался в недрах Иоанновского равелина – мне доводилось бывать тут раз или два с Костей Золотухиным, – и я отошел в туалет, чтобы привести себя хоть в какой-то порядок – там-то меня и скрутило, как раз в тот момент, когда я, скинув рубашку, мылся над узкой раковиной – разом набросились и голод, и такая иссушающая, смертельная жажда, что я приник к крану и с неописуемым наслаждением, фыркая и захлебываясь, пил восхитительно прохладную воду, пахнувшую ржавчиной и речной тиной.

– Вы на бульончик налегайте, Виктор Геннадьевич, – сочувственно порекомендовал Кардинал. – Вам сейчас жидкое и горячее в самый раз.

Уговаривать меня не приходилось. Еще до того, как полусонная кряжистая повариха вынесла из пустой кухни миски с салатами, я слопал весь подсохший хлеб из плетеной корзиночки на столе и уже перешел на соль – сыпал ее себе на ладонь и слизывал, будто лось. Раскаленный куриный бульон в большой кружке обжег мне язык и гортань, но я все равно выпил его в несколько жадных глотков, а потом одним махом отправил в рот горсть хрустящих белых сухариков.

– Не думал, что это заведение работает ранним утром.

– А оно и не работает, – отозвался Кардинал. – Но я близко знаком с заведующим, он, в некотором роде, мой должник – вот и попросил, чтобы нам открыли, в порядке исключения: подумал, что вам не повредит перекусить и отдохнуть немного, а беседа предстоит долгая, да и непростая. Не на лавочке же сидеть, в

самом деле. Ну, как? Получше?

Я кивнул. Бульон разливался в желудке масляным жаром; оголодавший зверь внутри меня канючил добавку, но хотя бы успокоился настолько, чтобы я снова мог соображать и разговаривать. Подошла повариха, убрала пустые миски и кружку, быстро зыркнула внимательным острым взглядом; на дрогнувших веках мелькнули поблекшие синие буквы. Я покосился было в ответ, но Кардинал чуть взмахнул рукой и сказал:

– Насчет Евдокии Ильиничны не беспокойтесь. Она человек старой магаданской закалки; даже красуйся ваш портрет на всех газетных стендах города, она оставалась бы нема, как камни этого равелина – а им есть, что порассказать. Впрочем, до всенародной популярности дело еще не дошло, хотя, без сомнения, сегодня вы уверенно возглавляете список самых разыскиваемых людей Ленинграда – а может, что и всего Союза.

– Полагал, что могу рассчитывать только на третье место, – заметил я. – После Ильинского и… и его подруги.

– Яны, – спокойно уточнил Кардинал. – Но ведь обстоятельства-то изменились, не правда ли, драгоценный Виктор Геннадьевич? И есть как минимум две причины, по которым ни Ильинский, ни Яна, кем бы она ни была, уже не могут конкурировать с вами в сомнительной гонке за право называться самой разыскиваемой персоной страны.

– И какие же?

– А вы не знаете?

Я отрицательно покачал головой. Кардинал печально вздохнул.

– Никак не могу понять, что за сложную игру вы ведете, Виктор Геннадьевич.

– Если честно, то я даже правил не знаю. Поэтому хожу в основном буквой «Г».

Он усмехнулся.

– Ну что ж, извольте. Первая причина в том, что их задержали. Результат блестящей оперативной работы нашего общего друга подполковника Жвалова.

– А вторая? – спросил я.

– Они мертвы.

Кардинал внимательно смотрел на меня. Видимо, увиденное его удовлетворило, потому что он кивнул и сказал:

– Похоже, что вы обескуражены.

– Немного, – с трудом просипел я. Наверное, сильно обжег горло бульоном.

– А уж как обескуражен и расстроен товарищ Жвалов, который вместо раскрытия вражеской агентурной сети получил пару трупов на руки, и описать нельзя. Он же лично в операции участвовал, в автобусе этом сидел, сам наручники защелкнуть хотел, говорят – и вот тебе раз, такая незадача. Два бездыханных тела в креслах.

– В автобусе?..

– Виктор Геннадьевич, вы меня порой удивляете. Опытный сыщик, бывалый человек – неужели вы всерьез полагали, что эта легкомысленная игра в казаки-разбойники, в которую вы втянули своих бывших соседей, могла закончиться как-то иначе? Ну конечно, в автобусе! Вместе с двумя десятками оперативных сотрудников. Я ведь говорил вам при первой нашей встрече, что Жвалов дело свое знает туго, как бы ни относиться к солдафонским его замашкам, а вы, похоже, пропустили это мимо ушей. После ваших подвигов на канале Круштейна, когда выяснилось, что вы видели Ильинского с его спутницей, а мне ничего не сказали, а потом и вовсе пропали неизвестно куда, я стал поневоле еще внимательнее следить за работой своих коллег из смежного управления, и поверьте, планирование и исполнение операции по задержанию всей вашей дружной компании было в высшей степени безупречным. Автомобиль – если можно так выразиться – на котором ехали вы и Яков Алексеевич, аккуратно выпустили из города, а потом фиксировали на контрольных точках, скрытно наблюдая за трассой; после того, как вы заплутали немного, отправили переодетых в милицейскую форму сотрудников удостовериться, что вы

добрались до первой точки сбора. На случай, если бы вы, не ровен час, опоздали, специальные бригады контролировали переключение железнодорожных семафоров и состав задержали бы тоже. Мобильные группы ГАИ убрали с шоссе, чтобы не случилось никакой неожиданности до того момента, когда все соберутся на «зеленой стоянке» у Лосево – согласитесь, в этом есть своя композиционная эстетика и изящество замысла.

– Соглашусь. Но в описании истории создания этого шедевра явно не хватает главного элемента.

– Какого же?

– Источника информации.

– Неужели не догадываетесь?..

У меня были, конечно, предположения, от самых фантастических до вполне реальных: например, что Комитет оплел средствами прослушки и слежения вообще все приемные и передающие устройства в городе, включая кухонную радиоточку в доме на Лесном; или что с товарищем Жваловым во сне связалась Иф Штеллай, проведавшая о плане нашего побега; или что мой старый знакомец Славка узнал-таки издали Яну, да и сообщил куда следует. Но правда, как водится, оказалась куда паскудней и проще.

Всех сдал подлец дядя Валя Хоппер. Ранним утром в четверг, едва очухавшись после нашего ночного совета, он сразу же позвонил по номеру, указанному на всех расклеенных по городу листовках о розыске, – и был внимательно выслушан, а после и доставлен на Литейный, 4, где в присутствии товарища Жвалова и еще нескольких высоких комитетских чинов в мельчайших подробностях изложил содержание разговора с бывшими соседями по квартире, не забыв при этом отметить руководящую роль капитана уголовного розыска Адамова в планируемом заговоре.

– Он же с нами водку пил. Приглашал всех вместе в дом отдыха поехать. «Бессмертный Ленинград» пел. Сука.

Пузатая фарфоровая солонка подпрыгнула, звякнув, и опрокинулась набок. Несколько белых сухариков выскочили из розетки и рассыпались по клетчатой

скатерти. Глаза защипало слезами – видимо, слишком сильно саданул кулаком по столу.

– Вы все-таки романтик, Виктор Геннадьевич, – вздохнул Кардинал. – Ну какая разница, кто и что пел или пил? Если уж на то пошло, я совершенно уверен, что этот ваш дядя Валя вполне искренне веселился, выпивал, поддерживал вокалом и даже в дом отдыха приглашал – просто наслаждался общением и моментом. Только он, простите за грубость, барыга. Ему это ваше товарищество, взаимовыручка и прочая гуманистическая дребедень не близка, у него другие ценности. Вот он приехал домой, обдумал все, и, как разумный человек, решил, что ему, с его-то бизнесом на контрабанде из Финляндии, куда полезнее сдать вас и через это приобрести у Комитета бессрочную индульгенцию на все свои мелкие по сути прегрешения. Так что вам не его винить нужно, а себя, что вы, Виктор Геннадьевич, с вашим-то опытом общения с подобного рода публикой, решили довериться жулику и спекулянту на том только основании, что он ваш бывший сосед.

– Еще и четыреста рублей взял, скотина.

– Деловой человек. – Кардинал кивнул, как мне показалось, едва ли не одобрительно. – Копеечку нажил. Нигде своего не упустит. А вы, дорогой мой товарищ Адамов, если не хотите постоянно чувствовать себя дураком, прекращайте быть идеалистом. Не мальчик уже, право слово.

– Почему нас сразу там же в квартире не задержали?

– Потому что разговоры – разговорами, а дела – делами. Если бы вас всех скрутили на Лесном, то сложно было бы доказать предметную причастность каждого в содействии бегству за границу находящихся в розыске лиц – а товарищ Жвалов любит точность и аккуратность в том, чтобы каждый получил по заслугам сполна. Всем сестрам, так сказать, по серьгам. Оставшихся в квартире женщин – Евгению Ильиничну, Зинаиду и эту… как ее… Людмилу, кажется, арестовали сразу же после того, как вы с Яковом Алексеевичем отбыли на его машине в сторону Верхне-Черкасово. Отца и сына Чечевициных сняли с поезда по прибытии в Выборг; Георгия и Давида Деметрашвили задержали в нескольких километрах от «зеленой стоянки»; так же собирались поступить и с вами – но тут вмешалось то, что люди подполковника Жвалова считают случаем, но в чем я склонен видеть нечто большее. По словами преследовавших вас оперативных сотрудников, внезапно появившийся – и так же внезапно, кстати,

исчезнувший – самосвал отправил «Запорожец» в кювет, едва не столкнул с дороги их самих, а когда они подбежали к лежащему в канаве автомобилю, то оказалось, что там находится только водитель, неуловимый же капитан Адамов снова исчез – предположительно, скрылся под покровом ночной темноты в окрестных лесах. Их, кстати, прочесывали с собаками двое суток, водолазы даже дно водоемов обшарили – безуспешно, как вы понимаете.

– И где теперь… все?

– В тюрьме, конечно, где же еще! – удивленно развел руками Кардинал. – С одной 64-й статьей[1 - Статья 64 УК РСФСР «Измена Родине».] на всех, если еще что-то дополнительно не инкриминируют. Наказание вплоть до высшей меры, как вам известно. Ну, до этого, скорее всего, не дойдет, но лет по десять можно гарантировать с уверенностью.

Я действительно чувствовал себя полным дураком; я и был дураком, и вопросы мои звучали один глупее другого, но я все же снова спросил:

– Ничего нельзя сделать?

– Нет, – отрезал Кардинал. – У меня особое положение в Комитете и широкие полномочия, но отобрать у контрразведки арестованных в такой ситуации труднее, чем вырвать кость у голодного добермана. И дело не сделаешь, и без руки останешься. Как вы себе это представляете? Что я попрошу Жвалова отпустить взятых с поличным подозреваемых в государственной измене только потому, что они славные люди и за них ходатайствует главный подозреваемый, капитан Адамов, который, кстати, в бегах и сдаваться, насколько я понимаю, не собирается? Это уж ни в какие ворота. В другой ситуации я, может быть, и придумал что-то, но не сейчас. Эти восемь человек – единственное, что есть в настоящее время у Жвалова, и он чрезвычайно этим обстоятельством раздосадован. Он ведь собирался поймать крупную рыбу: сбежавшего или похищенного ученого, ключевую фигуру важнейшего оборонного проекта, и предположительную вражескую шпионку, а наловил только полное ведро пескарей – военного пенсионера, машинистов локомотива, пару врачей, фабричную нормировщицу и двух домохозяек. И как ни крути, но на организованную шпионскую сеть эта компания никак не тянет. Теперь ученый мертв, его спутница тоже, и даже причина смерти неизвестна – экспертиза ничего не дала, так что остается только гадать и сторожить трупы в холодильнике, в ожидании неизвестно чего, может, новых озарений у

патологоанатомов и криминалистов.

Я немного подумал.

– Опознание было?

– А как же! Мама Ильинского приезжала. Говорят, сцена была душераздирающая, насилу привели в чувство. Даже суровые судебные медики разрыдались, как дети. Личность девушки достоверно установить не удалось, но и ее нашлось кому опознать – коллега Ильинского, некто Гуревич, помните? Так что сомнений никаких нет, увы. Жвалову самому впору навзрыд реветь. Непруха какая-то, иначе не скажешь. И ведь все вроде делает правильно человек, но нет: вскрыл летом предателя в Министерстве – а тот удавился, не выдав вражеского связного. Взял под охрану секретных ученых, к Гуревичу в семью своего человека внедрил…

– Дядя Володя?

– Ага, дядя. Володя. Опытнейший сотрудник, между прочим. Но и тут беда: один из охраняемых исчезает при обстоятельствах, которые кроме как дикими не назовешь. Вроде опять справился, выследил, спланировал все по уму – и бац! Один мертвый, другой ополоумел, на оборонном стратегическом проекте можно крест ставить, резидентура супостата не выявлена, невесть как связанный с этим капитан милиции в бегах, а тут еще эти убийства в НИИ, где работал Ильинский…Что, про это вы тоже ничего не знаете?..

У человеческой способности удивляться есть пределы, да и само понятие удивительного для каждого свое. За последние несколько дней я увидел, узнал и пережил столько, сколько вряд ли видел и переживал кто-то из рода человеческого до меня, исключая разве что библейских царей и древних пророков, ну, и того бразильского фермера, которого похитили инопланетяне, цинично надругавшиеся над ним на борту своей «летающей тарелки»[2 - Вероятно, Адамов упоминает о случае похищения бразильского фермера Антонио Виллаш-Боаша в 1957 году. Тот утверждал, что на борту НЛО над ним проводили эксперименты и принуждали к вступлению в половую связь с гуманоидным существом женского пола.], – а поразило меня всего больше не какое-то из надмирных чудес, а предательство гнусного Хоппера. Невозможно несколько дней кряду только и делать, что ходить с раскрытым от изумления

ртом, как деревенский мальчишка по ярмарочному балагану – и потому новость про убийства я выслушал скорее с мрачным профессиональным интересом, нежели с удивлением.

…Сутки назад, ранним утром вторника 28 августа, капитан второго ранга в отставке совершал ежедневную пробежку трусцой, убегая от инфаркта по привычному для себя маршруту вдоль западной границы лесопарка Сосновка. Воздух был еще свеж, проспект Мориса Тореза – тих, птицы прочищали осипшее от дневного дыма горло, распеваясь многоголосием, и стоящий возле поребрика бордовый «Москвич» с приоткрытой водительской дверцей и включенными фарами тревожно диссонировал с благостной утренней симфонией. Внимательный капитан присмотрелся к смятой высокой траве, прошел по следам и через несколько метров наткнулся на распростертое среди молодых березок грузное тело. Обширный белесый живот, вздымавшийся над задравшейся рубашкой, был недвижим. Капитан развернулся, аккуратно возвратился на тропинку и совершил стремительный спурт до ближайшего отделения милиции, благо то находилось менее чем в километре от места обнаружения трупа.

Через несколько минут оперативно-следственная группа уже осматривала тело мужчины с огнестрельными ранениями и обнаруженный в нескольких метрах от него труп молодой женщины с выраженными признаками удушения.

– Личности установили быстро: у него удостоверение было в кармане, а у нее – пропуск в сумочке. Начальник особого отдела НИИ Связи Военно-морского флота майор госбезопасности Игорь Петрович Исаев и некая Галина Скобейда, до недавнего времени бывшая подчиненной Ильинского и его ближайшей помощницей, к тому же, по свидетельству сослуживцев, неровно к нему дышавшей. Мало того: рядом с телами был обнаружен раскрытый пустой портфель майора, а во время совместных с вашими коллегами следственных действий на рабочем месте у Скобейды выявилась пропажа большого количества черновых расчетов, которые она в последние недели готовила для Ильинского. На вахте НИИ обязателен досмотр всех личных вещей выходящих сотрудников, но вот только особиста никогда не досматривают, а по словам дежурного офицера, накануне вечером товарищ Исаев покинул институт поздно вечером, в компании Скобейды и с безобразно распухшим портфелем. Чувствуете, какая захватывающая дух вырисовывается картина?

Я чувствовал.

– Завербованный разведкой противника сотрудник КГБ, склонивший к измене Родине работницу секретного НИИ и убитый вместе с ней все тем же неуловимым вражеским шпионом при передаче документов стратегической важности. Да, не позавидуешь подполковнику. Кто ведет дело?

– Кто-то из ваших коллег, не знаю, кто точно. Убийство – это же по милицейской части, хотя мы присматриваем, разумеется. Все-таки погиб наш человек.

– Значит, нужно установить, кто убил – и найдете своего резидента.

– Так вы и убили-с.

Я вздрогнул. Кардинал скорбно смотрел на меня, чуть покачивая головой.

– Посмотрите, как все складно получается, – продолжал он. – Капитан Адамов, используя вымышленный предлог, вовлекает своих бывших соседей по коммунальной квартире в организацию побега за границу Ильинского и сопровождающего его агента влияния. Будучи искушенным и опытным разведчиком, Адамов замечает признаки слежки и каким-то образом – например, при помощи неизвестного советской науке яда – убивает несчастного ученого и его спутницу, а сам скрывается в ночном лесу, предусмотрительно успев инсценировать автомобильную аварию. Но не был бы мнимый капитан Адамов мастером шпионажа, если бы не имел запасного варианта реализации своих коварных планов. Он привлекает к их исполнению ранее завербованного им начальника особого отдела майора Исаева, которого поймал на крючок неудовлетворенных амбиций и личных обид, заставляет того вынести из НИИ секретные документы и цинично убивает во время ночной встречи в парке Сосновка, пряча концы среди молодого березняка и некошеной летней травы.

Кардинал ловко подхватил со стола сухарик, бросил в рот, подмигнул и аппетитно захрустел, откинувшись на спинку стула.

– Вы тоже придерживаетесь этой гипотезы? – поинтересовался я.

– Жвалов так точно придерживается, – ответил Кардинал. – Ему придерживаться больше сейчас не за что. А я… ну, скажем так, не сбрасываю такой версии со счетов, хотя она и не объясняет многое из того, что в этой истории интересует меня лично. Контрразведка может до поры и до времени игнорировать

необъяснимые смерти Трусана, Капитонова и Рубинчика или не менее фантастическую свистопляску, которая произошла с вашей подачи на канале Круштейна – а я нет. Потому что фантастическое – это и есть моя работа.

– 22-е управление?

– Именно. Государственную безопасность обеспечивают не только бомбы, подводные лодки и противостояние идеологическим диверсиям. Мир удивителен и многообразен, и мы должны учитывать это многообразие, даже если в некоторых своих проявлениях оно не объясняется современной наукой, а то и вовсе ей противоречит, больше подпадая под определение мистики или магии. Да и что такое сама наука, как не социально приемлемая форма магии? И если твой враг вполне серьезно поддерживает сообщества волхвов и шаманов или финансирует целый научно-исследовательский институт алхимиков, рассчитывая пополнить бюджет за счет полученного из свинца золота, а заодно еще и боевое подразделение гомункулусов вырастить – разумно ли игнорировать вероятность успеха только потому, что ее признание противоречит материалистическому мировоззрению? Во времена Третьего Рейха «Аненербе» искали мифическую Шамбалу на Тибете, наши заокеанские оппоненты уже почти сорок лет предметно изучают то, что считают артефактами инопланетных технологий, – и мы не имеем права от них отставать. Обыватели могут сколько угодно иронизировать над «летающими тарелками» и смеяться карикатурам на «зеленых человечков», но игнорировать мнение десятков ученых с мировым именем о существовании иных цивилизаций или теоретических возможностях перемещения в пространстве и времени вне известных нам законов физики – преступно и с точки зрения научного знания, и с позиций обеспечения обороноспособности страны. Представляете, какие перспективы открывает возможность деятельного контакта с разумом, превосходящим человеческий кратно? Если вынести за скобки гуманистический и философский аспекты такого контакта – а ни философия, ни гуманизм к политике не имеют никакого отношения вовсе – то возможности эти сродни получению рязанским князем Юрием, например, установок залпового огня перед самым нашествием хана Батыя.

– Или получение таковых самим ханом Батыем. Превосходящие технологии не обязательно попадут в хорошие руки.

– Опять вы за свое, Виктор Геннадьевич. Не существует плохих и хороших, есть только свои и чужие, и наш взгляд на предмет зависит исключительно от того,

кого мы считаем своим, а кого – нет. Это не говоря уже о том, что большинство хороших людей хороши только лишь потому, что им не подвернулось возможности стать плохими. В общем, как только в этом деле прозвучало упоминание инопланетных пришельцев…

– Не припомню, чтобы такое кто-то озвучивал.

– Не только озвучивал, дорогой Виктор Геннадьевич! Еще и целое заявление написал по этому поводу, и подписался размашисто: «Евгений Гуревич». Вот так вот.

О том, как Гуревич провел остаток ночи после знаменательной встречи с Яной в рабочей лаборатории НИИ Связи Военно-морского флота, было известно из подробного рапорта двух оперативных сотрудников сопровождения, что незаметно следовали за ним с той минуты, когда он в радостном возбуждении выскочил из парадной и на «частнике» помчался в институт. Привыкшие к тому, что ученые порой засиживаются на работе ночь напролет, сотрудники устроились было поудобнее в креслах служебной «Волги» – но не тут-то было. Гуревич вышел минут через двадцать, бледный, словно жертва вампира, остановился на ступенях у входа, схватился за голову и стоял так с минуту, покачиваясь и беззвучно раскрывая рот. Потом встрепенулся, одернул пиджак и решительно зашагал в сторону кладбища. Оперативники нагнали его на сумрачных тихих аллеях и стали свидетелями тому, как молодой перспективный ученый и без пяти минут секретарь местной партийной организации достиг запертых на ночь дверей кладбищенской церкви и принялся молотить кулаками в тяжелые темные створки. Храм отвечал гулким пустым безмолвием. Гуревич, словно опоздавший на брачный пир гость, долго бился у закрытого входа, затем развернулся, тряхнул головой и направился прочь. Озадаченные особисты, держась поодаль, поспешили за ним и в последующие часа полтора стали свидетелями хаотичных метаний Гуревича по ночным ленинградским улицам. Он то шел быстрым шагом, широко размахивая руками, то останавливался и принимался жестикулировать и мотать головой, как будто вступая в яростный спор с каким-то невидимым оппонентом, то шатался, как пьяный, то едва не бежал – и таким манером по Малому проспекту добрался до набережной Макарова, свернул на Первую линию, потом по Среднему проспекту дошагал до улицы Репина, повернул еще раз и перешел вдруг на стремительный бег, чуть не оторвавшись от не ожидавших такого маневра оперативников, поспешно ринувшихся следом. Изломанные тени бегущих скользили по желтоватым и серым стенам спящих домов, вытертых реками времени, как береговой

известняк; в кронах старых деревьев клубился застрявший с вечера дым и тянулся вслед людям туманными щупальцами, подсвеченными золотистым и синим огнем фонарей. Из темного грота домовой арки кто-то протяжно заголосил вслед – то ли человек, то ли заплутавшая нежить, и эхо, метнувшись, понеслось вслед погоне.

Сумасшедший забег закончился так же внезапно, как начался; Гуревич резко остановился у чугунной ограды Румянцевского сада, вцепившись руками в прутья решетки и тяжело отдуваясь, а оперативники, окончательно убедившись, что ситуация вышла за все пределы разумного, связались по рации с руководством и получили распоряжение не вмешиваться, продолжать наблюдение, а также сообщение о том, что им в помощь выдвигаются две мобильные группы на автомобилях. Гуревич меж тем миновал здание Академии художеств, перешел через мост Лейтенанта Шмидта, свернул на набережную Красного Флота и так же решительно, как раньше направлялся в церковь, теперь устремился в ресторан баркентины «Кронверк».

В течение следующих двух часов последовавшие за ним сотрудники наблюдали картину отчаянного загула: молодой кандидат наук махнул дюжину коньяку, познакомился с двумя девицами, заказал им самого дорогого шампанского, самозабвенно отплясывал на танцполе под песни Аль Бано и Ромины Пауэр, повязав голову галстуком, и едва не подрался с компанией фарцовщиков за соседним столом. Все закончилось в третьем часу ночи, когда ресторан закрылся и дюжий гардеробщик твердой рукой выставил Гуревича вон, едва не спустив кубарем вниз по сходням.

– Последняя ночь человечества! – кричал тот. – Всем шампанского за мой счет!

Но видавший всякие виды страж ресторанных дверей остался глух как к пророчествам, так и к посулам.

У стоящего неподалеку таксиста Гуревич купил бутылку водки, зубами сорвал козырек, устроился на гранитных ступенях, уходящих к темной воде, и долго сидел, прихлебывая из горлышка и глядя в ночное безмолвие. Две серые «Волги» и пара теней застыли поодаль, соперничая в торжественной неподвижности с бесстрастными изваяньями львов.

Около трех часов Гуревич выбросил бутылку в Неву и побрел прочь. Сотрудники сопровождения двинулись следом и почти через час не без удивления увидели, как ученый остановился у главного входа дома номер 4 на Литейном проспекте и принялся жать на звонок, время от времени поддавая для верности ногой по дверным створкам.

Глухой ночью не удастся войти в Божий храм; из питейного заведения вас выпроводят без всякой жалости после закрытия; но двери Госбезопасности всегда открыты для страждущих. Открылись они и перед Гуревичем.

– Я хочу подать заявление об угрозе государственной безопасности, – выговорил он, обдавая дежурного густым духом сложносочиненного перегара.

Заявись он в таком виде в отдел милиции, дело бы кончилось вытрезвителем, штрафом и письмом на работу, но не то – Комитет. Его попросили представиться; он назвался. Аккуратно проводили до нужного кабинета, и за несколько минут, что Гуревич сидел в ожидании на жестком откидном сиденье скамьи в коридоре, тщетно пытаясь приладить обратно развязанный галстук, на него уже подготовили справку, которая легла на стол предупрежденного о ночном госте оперативника.

В кабинете безукоризненно вежливый капитан предложил выпить чаю. Гуревич, стараясь держаться прямо, от чая с достоинством отказался.

– Я хочу подать заявление об угрозе государственной безопасности, – повторил он и добавил: – Со стороны враждебной инопланетной цивилизации.

Офицер понимающе покивал и предложил изложить подробности письменно – и вот на пять страниц сероватой казенной бумаги убористым почерком лег рассказ, в котором место нашлось и изобретенному Саввой оружию против космических супостатов, и волновой природе захватчиков из иных миров, и подробному описанию их зловещего эмиссара в образе рыжеволосой девицы, и фокусам с подавлением света и созданием правдоподобных фантомов, и, что самое главное, отказу Ильинского от дальнейшей работы по проекту универсальной бинарной волны.

– И такое заявление приняли? – спросил я.

– Безусловно, – подтвердил Кардинал. – А как же иначе? Вы ведь на границе служили, Виктор Геннадьевич?

– Служил.

– Ну вот представьте, что приходит к вам местный житель, дремучий, колоритный этакий старик, который на хуторе своем живет со времен царизма, и говорит, что видел неподалеку, например, лешего. Большого такого, поросшего зеленой травой. Или целый выводок болотных чертей. Что вы подумаете?

– Вражеская диверсионно-разведывательная группа.

– Вот именно. И из той саги, что вышла из-под пера Евгения Марковича, контрразведке было очевидно одно: неустановленное лицо проникло в самое сердце секретного научно-исследовательского института, вступило в контакт с ключевой фигурой стратегически важного оборонного проекта и успешно склоняет оную фигуру к саботажу. А потому, едва дежурный капитан дочитал эту повесть, несколько экипажей оперативных сотрудников, презрев опасность столкновения с превосходящими силами инопланетных агрессоров, выдвинулись в НИИ Связи ВМФ – и обнаружили там только пустой кабинет, сбитое одеяло на раскладушке да промасленные обрывки от упаковки какой-то снеди. Контрразведка поднялась по тревоге, отрабатывая версию похищения или бегства, и дальнейшее развитие событий вы себе более или менее представляете.

Но из песни слов не выкинешь, а из заявления в Комитет государственной безопасности – тем более. Они там и остались, написанные синим по белому: и про внеземной разум, и про субквантовые волны, и про фантомов. Так что после того, как коллеги из управления «К» отработали сигнал, документ этот отправился, что называется, по предназначению – и попал ко мне, в особый отдел 22-го управления, а впоследствии послужил причиной и нашего с вами знакомства, и сегодняшнего разговора.

Кардинал отвернул белоснежный манжет, взглянул на часы в позолоченном корпусе и озабоченно покачал головой.

– Засиделись мы, Виктор Геннадьевич. Это я виноват, конечно: все говорю да говорю, слова вам не даю вставить. Так что теперь ваш черед. И прежде чем вы

начнете, хочу вот что еще сказать: я сегодня здесь перед вами только наизнанку не вывернулся, так что уж будьте добры, сделайте одолжение, примите мою самую настойчивую рекомендацию – и расскажите все, как есть. Без вранья и недомолвок. Потому что если вдруг, из каких-то неведомых мне резонов, вы приметесь юлить или лгать, то я сочту, что зря потратил время и что вы для меня бесполезны. И в этом случае, дорогой мой Виктор Геннадьевич, заверяю, что вы менее чем через четверть часа окажетесь в объятиях нашего общего знакомого подполковника Жвалова, ибо если толку с вас нет, так я хоть смежникам подсоблю. Надеюсь, всё ясно?

– Как Божий день, – заверил я.

И рассказал все: от момента, как выехал на место гибели Бори Рубинчика, до того, как спустился с трапа растаявшего в предутренних сумерках плавучего ресторана «Невская волна». А что за смысл был утаивать и запираться? В конце концов, я ведь сам попросил о встрече, да и объятия Жвалова совсем не манили. Кардинал внимательно слушал, соединив перед носом кончики пальцев и полуприкрыв глаза; только чуть поднял бровь да улыбнулся едва заметно сцене в декорациях кабинета НКВД. Я добрался до монолога Иф Штеллай на борту «Невской волны», в последний момент умолчав только лишь о способах связи, которые мне предложила использовать шеда – не хотел скидывать последний из имеющихся козырей; Кардинал кивал одобрительно, а когда я закончил, сказал:

– Ну что ж, большое спасибо. Это было в высшей степени увлекательное и поучительное повествование.

И замолчал.

Под сводчатыми арками равелина замерла каменная тишина. За прикрытой дверью кухни что-то звякнуло было, но тут же стихло, словно испугавшись громкого звука. Рассыпавшаяся по столу соль сложилась спиральным узором, напоминающим галактику в безвестной космической дали. Я ждал – сам не знаю чего.

Кардинал еще раз взглянул на часы, цокнул языком, покачал головой, похлопал себя по карманам и стал подниматься из-за стола.

– И… мы закончили? – спросил я.

Кардинал сделал удивленное лицо.

– А что, у нас еще осталось что обсудить?

– Я думал… ну, может быть, вы что-то посоветуете… или предложите, – произнес я ровным голосом, стараясь не казаться самому себе жалким.

Кардинал снова сел.

– Что ж, если вы сами спросили… Посоветовать мне вам нечего, драгоценнейший Виктор Геннадьевич, кроме как сдаться на милость контрразведки. Положение ваше – швах, что очевидно. Широкую общественность не привлекли к вашему розыску и не предали дело огласке только лишь потому, что на самом верху еще не решили, что делать с такой скандальной историей, как работа капитана уголовного розыска на вражескую разведку: то ли замять и решить все по-тихому, то ли использовать как еще один убойный аргумент против МВД. Но вас ищут очень старательно и непременно поймают – не сегодня, так завтра. А предложить, пожалуй, кое-что могу. Устройте мне встречу с этой Иф Штеллай. В этом случае я смогу похлопотать о том, чтобы с вас были сняты обвинения в измене Родине и шпионаже. Гарантировать ничего не буду, но обещаю, что сделаю все, от меня зависящее. Вот так.

Я чуть было не чертыхнулся непроизвольно.

– И зачем вам это?

– Да уж точно не для того, чтобы повышать обороноспособность страны, – усмехнулся Кардинал. – Эх, Виктор Геннадьевич, вот смотрю я на вас и думаю, что лет двадцать назад дело с воспитанием нашей молодежи и идеологической работой было поставлено куда как лучше, чем сегодня – или это просто вы такой вот удались на славу: верите в дружбу и данное слово, в порядочность человеческую, и даже годы в уголовном розыске аас не испортили. Бессребреник, каких поискать. Неужели не видите возможности, которые открывают для человека мыслящего такие знакомства, какие вы завели в последние дни? Мне еще голову поломать придется, что предложить для партнерства, а вам и думать не надо – торгуйтесь, ставьте условия, сотрудничайте! Так нет же – застыли в позе памятника пионеру-герою.

Удивительно, ей-богу. Ну да ладно. Предложение мое вам понятно?

– Вполне.

– Вот и славно. И время тянуть не советую: как только я выйду отсюда, его у вас будет совсем немного, счет пойдет на часы, если повезет – то на дни. А когда контрразведка до вас доберется, то потом, вызовите вы мне хоть шестикрылого серафима, помочь я ничем не смогу.

– Одна последняя просьба.

– Весь внимание.

– Можно отсюда позвонить?

* * *

Кардинал ушел, серой тенью растаяв в светящемся солнечной дымкой полукруглом проеме двери. Я расположился за барной стойкой и поставил перед собой телефон.

Загадка двух мертвых тел в автобусе трудности для меня не представляла: я готов был побиться об любой заклад, что у трупов в комитетском морге нежные, как у новорожденных младенцев, ступни и идеальное состояние внутренних органов – как будто и не жили никогда, по меткому определению Генриха Осиповича Левина. Оставалось неизвестным, где скрываются настоящие Савва и Яна, но это меня сейчас мало заботило. Задача с убийством Исаева и несчастной Гали Скобейды была посложнее, однако первичные гипотезы у меня имелись, и я знал, кто мне поможет с дополнительной информацией.

На часах было без пяти семь утра. Под стойкой я нашел вчерашний номер «Ленинградской правды», развернул его на последней странице, пробежал глазами, потом снял телефонную трубку и набрал номер.

– Доброе утро! Елену Сидорову можно еще раз позвать?

– Алё! – прозвучал через пару минут раздраженный знакомый голос.

– Лена, это снова я.

– Ты меня из душевой вытащил, – сообщила Леночка. – Что, забеспокоился, не настучала ли я, что ты мне по телефону звонил?

– Вообще-то, я хотел тебя сегодня в кино пригласить.

Лена тихонько присвистнула.

– Ушам не верю. Адамов, это точно ты?

– Точно, – заверил я. – Ну, насколько я сам могу об этом судить.

– Чем докажешь?

– Ты неприлично глазела на обнаженный труп в морге и сказала еще при этом, что…

– Ладно, все, убедил! – Леночка хихикнула. – Где и во сколько встречаемся?

– В «Баррикаде» на Невском, через три часа, – быстро ответил я. – Там сегодня в десять «Блондинку за углом» показывают.

– Да, Адамов, умеешь ты удивить девушку. Ладно, скажусь больной ради такого чуда. Говоришь, в десять?

– Ага.

– Как раз успею ноги побрить. Смотри, не обмани меня!

Я заверил, что все без обмана, и положил трубку.

Неяркий свет восходящего над городом солнца нерешительно заглянул в приоткрытую дверь ресторана, лег на пыльном полу, как треугольный

светящийся коврик. Я пошарил под стойкой, нашел вскрытый блок «Космоса», вытянул пачку, прихватил коробок спичек и, чуть поколебавшись, бросил на пожелтевшее блюдце несколько монет.

– Бегаешь?

Повариха Евдокия Ильинична стояла поодаль, сложив на животе руки, и пристально смотрела на меня.

Я засунул пачку сигарет в карман брюк и вышел из-за стойки.

– Ага. И мне как раз пора на очередной круг.

– Погодь.

Она сходила на кухню и вернулась с двумя крупными яблоками в сияюще-яркой зеленой кожуре, на которой дрожали капли прозрачной воды.

– Вот, на.

У нее были толстые, крепкие, совсем не женские пальцы. Она снова мигнула, и на этот раз я успел прочитать: поблекшие синеватые буквы складывались в два слова «НЕ СПИ».

За крепостными стенами меня ждало утро нового дня: нежное, светлое утро августа, которым так приятно бывает проснуться пораньше, улыбнуться надеждам, почувствовав, что теперь-то все точно пойдет хорошо и как надо.

Я стоял у деревянного моста и грыз яблоко. Оно было твердым, сочным и восхитительно кислым. За каналом, всего в каких-то двух десятках метров от ворот крепости, уже должен был пробудиться к рабочему дню большой город, но вот странность – я не слышал ни звука, не различал ни движения в мареве утренней дымки; все замерло, словно бы в ожидании, и я знал: там, за мостом, ждут меня, моего возвращения.

В молчаливой тиши плеснула чуть слышно волна, будто окликнув негромко. Я стоял и не мог сдвинуться с места. В закулисье для меня прошла одна ночь, тут

минуло четверо суток, но сейчас почему-то казалось, что это здесь время замерло, что так и не наступил новый день, а я отсутствовал целый год, почти утратив связь с людьми и событиями, этим воздухом, светом, водой, дымом, который уже начал заволакивать небосклон, да так и замер легким туманом; что, для того чтобы ожил город, и продолжилась жизнь, я должен перейти по мосту и ступить на другой берег канала, но я не мог, а только стоял и смотрел перед собой, слушая тишину.

Яблоко я сгрыз до деревянного черенка. Открыл пачку сигарет, чиркнул спичкой, закурил, не отрывая взгляда от противоположного берега – вот черно-белая будка на другом конце моста, вот опущенный на ночь шлагбаум, – затянулся так, что затрещали, сгорая, табачные крошки. Не спеша докурил до самого фильтра. Вспомнил, что там, в безмолвии не наступившего дня, меня ждет Леночка Смерть – она думает сейчас, что собирается со мной на встречу в кино, а на самом деле застыла на лестнице общежития где-то между вахтой и своей комнатой; ждут умершие для всех, но не для меня Савва и Яна; ждут мои добрые соседи, имевшие несчастье довериться мне; ждут люди, и элохимы, и шеды, и лесные пожары, ждет продолжение этой странной истории – но я не двигался с места: кусал второе яблоко, переминался с ноги на ногу, снова курил, хотел и не мог сделать шаг – пока не обманул себя наконец, не извернулся и не ступил на деревянный помост.

Я осторожно шагнул, и еще, и еще – словно больной, что давно не ходил, наконец решился встать на ноги. С каждым шагом как будто бы легче, прозрачнее становился воздух, и вот уже ожили звуки, и донеслось громыханье трамваев и приглушенное ворчанье машин, и заметно стало движение на набережных и на Кировском мосту, стрелой уходящем вдаль за Неву.

Под ногами что-то тускло блеснуло, будто капля слюды. Я нагнулся и поднял двугривенный с рублеными, похожими на почтовый индекс цифрами 1984. Есть такая примета: если хочешь куда-то вернуться, нужно бросить в воду монетку. Я с силой взмахнул рукой – и двадцать копеек исчезли в неподвижных водах канала с тихим всплеском. И вот ведь как получилось: по Иоанновскому мосту я потом проходил за свою жизнь еще бесчисленное множество раз, а в 29 августа 1984 года не вернулся уже никогда.

* * *

При определенной доле везения и сноровки можно прятаться очень долго, едва ли не всю жизнь – если самому не осточертеет, конечно. Мне самому доводилось задерживать персонажей, которые числились во всесоюзном розыске по тяжким статьям и пять, и десять, и даже пятнадцать лет, и попадали в руки закона не вследствие хитроумных комбинаций проницательных сыщиков, а по случаю или по глупости: то встретится слишком внимательный кадровик на новом месте работы, то явится в отделение, утирая слезы обиды, мстительная покинутая любовница, которой раньше ветреный кавалер сболтнул много лишнего; а то и просто после пьяной поножовщины или нелепой какой-нибудь, совершенно необъяснимой кражи, к примеру, велосипеда. В сыске время всегда работает на беглеца; несколько дней, редко когда – недель удается сохранять интенсивность поисков и остроту внимания у преследователей; потом старые дела напоминают о себе, новые требуют безотлагательных действий, а следы, если и были, то все простыли. Ильинский, наверное, мог бы придумать точное уравнение, отражающее шансы скрыться от правосудия, где уровень мотивации и количество брошенных на поиски сотрудников правопорядка имели бы в знаменателе время, сообразительность и удачу искомого. Собственно, только на свой здравый смысл и везение мне и приходилось сегодня рассчитывать, ибо времени прошло пока слишком мало, ресурсов милиции и Комитета на поиски задействовано предостаточно, а мотивация у сотрудников подполковника Жвалова должна была сейчас бить все стахановские рекорды энтузиазма. В такой ситуации кинотеатр, пожалуй, был одним из самых безопасных мест в городе. Дневные облавы на прогульщиков и тунеядцев остались в прошлом, и никакой логики не было в том, чтобы искать беглого капитана Адамова по киношкам, вместо того чтобы караулить, как водится, вокзалы, метро, аэропорт и квартиры родных и друзей.

До начала сеанса оставалось больше двух с половиной часов. Я бродил по улицам, избегая слишком людных проспектов и станций метрополитена. У меня было странное ощущение, словно я вернулся сюда ненадолго – в это место и время, что скоро все изменится навсегда, только внешне будет казаться прежним, но на самом деле станет другим – город, люди, трамваи и улицы. Я гулял не спеша, со щемящим чувством предстоящей скорой разлуки, запоминая уютную обыденность переулков ленинградского центра, душный воздух, стиснутый пыльными стенами, арки дворов, куда я заглядывал, видя одно и то же и радуясь узнаванию: решетки ворот, баки с мусором, покосившиеся раскрытые двери черных лестниц; наваливающееся белесым слепящим жаром небо; черный дым из выхлопных труб автобусов, к дверям которых изнутри плотно притиснулись потные спины спешащих к девяти на работу сотрудников НИИ и КБ; упрямые зеленые ростки подорожника, пробивающиеся из-под стен

через трещины в мостовой; я запоминал встречных прохожих, усталых, равнодушных, веселых; купающихся в пыли воробьев, ворону, терзающую обрывки целлофанового пакета, и сумрачного бородатого субъекта в порыжевшем пальто, наброшенном на голое тело, и подсмыкнутых бельевой веревкой штанах, что вынырнул мне навстречу из проходного двора где-то между Сапёрным и Басковым с пятилитровой банкой пива в руках.

Не знаю, откуда взялась тогда эта странная ностальгия по настоящему, стремление удержать его в памяти перед неизбежной и скорой разлукой. Может быть, от долгого пребывания в закулисье. А может, это было предчувствием.

К «Баррикаде» я подошел в половине десятого. Купил в кассе два билета, выпил газировки с сиропом и уселся на диванчике в прохладе гулкого холла с мраморными колоннами. Людей было больше, чем я ожидал увидеть с утра в будний день, вестибюль полнился эхом разговоров, шарканьем ног, кто-то кого-то приветствовал громко и радостно, и я даже не сразу заметил Лену, которая стояла у высоких входных дверей и искала меня взглядом. На ней было светло-голубое летнее платье с широкой юбкой и рукавами-«фонариками» и белые глянцевые туфли на низком каблуке; большие глазищи густо подведены черным, на губах пурпуром сверкала помада, так что Леночка походила на карандашный набросок, в котором художник тщательно прорисовал глаза и лицо, ограничившись для прочего лишь парой-тройкой едва заметных бледных штрихов.

– Господи, Адамов! Никогда не думала, что буду так рада тебя видеть!

Она чуть приподнялась на носочках и поцеловала меня в щеку. У нее были горячие губы, а от кожи пахло теплом и каким-то дивным резким парфюмом. Леночка взяла меня под руку, и мы поднялись в зрительный зал.

Места были заняты примерно наполовину. Картина имела успех, в зале смеялись, и громче всех, конечно же, Леночка, которая от души хохотала и стискивала мою руку холодными пальцами. Я пытался следить за событиями фильма – там разочаровавшийся в поиске инопланетных цивилизаций неуклюжий астрофизик при помощи деятельной харизматичной блондинки познавал мир полулегальной торговли, дефицита, нужных связей и модных увлечений карате, аэробикой и экстрасенсами – и думал, как и когда начать разговор. Дела на экране между тем подошли к свадьбе, по большей части гостей на которой тосковали уголовные статьи за хищение в особо крупных.

Леночка снова взяла меня за руку, наклонилась и прошептала:

– Давай, говори уже, о чем собирался.

– Лена, ты же досмотреть хочешь, наверное, – смутился я.

– Да я уже этот фильм видела дважды, а концовка мне все равно не очень нравится, она глупая, я в такое не верю. На самом деле они бы расстались и никогда не встретились больше.

– Надо было сказать, что смотрела, я бы на другой фильм пригласил.

– Ничего, я Миронова обожаю. Да и ты меня не кино смотреть позвал, правда?

– Ну, в общем-то…

– Адамов, я дура?

– Нет.

– Ну вот и не делай ее из меня. Спрашивай, что хотел.

– Про убийство Исаева и Скобейды знаешь что-нибудь?

Лена чуть присвистнула.

– Ничего себе. Знаю, конечно. Особист и сотрудница секретного «ящика»! Дело на специальном контроле в Комитете и Главке, привлечены все лучшие специалисты. А кто у нас лучший в криминалистической экспертизе, Адамов?

– Ты, конечно, кто же еще.

– Льстец! Лучший, на мой взгляд, Образцов[3 - Образцов Виктор Александрович, советский и российский учёный-криминалист, доктор юридических наук, профессор.]. Но вот после него – мы с Левиным, это точно.

– Так что скажешь?

Она вздохнула.

– Что тут сказать? Девушку задушили удавкой. На шее одна доминирующая странгуляционная борозда, без продольных ссадин, из чего я делаю вывод, что петля захлестнулась один раз и намертво, а значит, наброшена она была опытной рукой. По рисунку повреждений кожи Генрих Осипович заключил, что удавка, скорее всего, металлическая. Это отчасти подтверждает небольшое такое стальное колечко, которое я нашла рядом с телом – скорее всего, наконечник, в который палец продевают, соскочил от сильного натяжения.

Труп Исаева примерно метрах в пяти от тела Скобейды. Две огнестрельные раны на груди: одна пуля пробила аорту и прошла дальше навылет, другая застряла в сердечной мышце. Результат по кучности стрельбы на загляденье, пусть и всего метров с пяти. Но стреляли три раза: еще одну пулю, выпущенную из того же оружия, я нашла в стволе березы. Судя по высоте попадания и предполагаемой траектории, это был первый выстрел, что тоже указывает нам на человека опытного, может только, чуть подрастерявшего навык: первый выстрел был в голову, пусть пуля и прошла мимо, а потом два – в грудь. И все три очень быстро, подряд, понимаешь? Так работают те, кого учат стрелять исключительно на поражение, чтобы насмерть. Бах, бах, бах! Сам Исаев, кстати, был вооружен, но его пистолет так и остался в плечевой кобуре. Я ее осмотрела: там петля в клапане чуть надорвана, разрыв свежий – это он дернулся за оружием, рванул в панике, а вытащить не успел. Из чего мы опять-таки делаем вывод, что навыки убийцы значительно превосходят возможности среднего особиста из секретного института, который если и сдает ежегодную огневую подготовку, то при помощи бутылки коньяка.

– А что по оружию?

– Я сначала предположила, что наш ПМ поработал, но ребята из баллистики говорят, что это «Вальтер ПП». Небольшой такой пистолет, удобен для компактного ношения, в связи с чем любим представителями многих иностранных разведок.

Глаза Леночки многозначительно блеснули.

– Как же беднягу Исаева угораздило нарваться на профессионального убийцу, вооруженного удавкой и «Вальтером»? – задумчиво произнес я.

– Он не ожидал встретить никого подобного, вот в чем дело, – ответила Леночка. – Тут два варианта: либо на встречу в Сосновке пришел не тот, кого предполагал там увидеть Исаев, либо он недооценил своего оппонента. В любом случае, там, в ночном лесу, ему пришлось столкнуться с кем-то, против кого у него не было ни единого шанса. Предполагаю, что началось все с бедняжки Скобейды: например, кто-то вышел на нее с вопросами про творческое наследие пропавшего Ильинского, и вопросы эти показались ей подозрительными. Своими подозрениями Скобейда делится с Исаевым, и тот, себе и ей на беду, решает сработать в одиночку, вместо того чтобы подключить своих коллег из контрразведки. Тут очень важный момент: если бы Исаев имел основания предполагать, к чему приведет его инициатива, он поступил бы иначе – но, Адамов! Он таких оснований не имел, из чего я могу заключить, что человек или люди, которые обратились к Гале Скобейде, были ему знакомы и опасности, по его мнению, не представляли. И еще, тоже важно: насколько мне известно, в портфеле, который Исаев взял на ночную вылазку, были черновики вычислений, касающиеся именно работы Ильинского, а не просто «кукла» из любых каракуль с формулами. Понимаешь?

– Да. Тот, кому предназначались эти расчеты, мог отличить их от любых других.

– Именно! Так что, думаю, речь идет о ком-то либо из сотрудников НИИ, либо из тех, кто имел доступ к материалам исследований Ильинского. И этот кто-то менее всего был похож на мастера удавки и пистолета.

Я мрачно кивнул. Мне был известен только один такой человек, но представить, как кандидат наук, ловелас и бонвиван Гуревич душит Галю, а потом хладнокровно расстреливает Исаева…

– Итак, наш майор, уверенный в успехе своего предприятия, уговаривает Скобейду сыграть роль приманки, назначает через нее встречу, набивает портфель черновиками расчетов и вместе с девушкой в ночь на вторник едет к условленному месту в лесопарке Сосновка. Судя по предполагаемому времени смерти, встреча была назначена примерно на 4 часа утра. Исаев, не предполагая беды, преспокойно высаживает Скобейду из машины. Она берет портфель, сначала идет по тропинке, потом сходит с нее – думаю, что убийца окликнул ее или посветил фонариком. Майор выжидает пару минут, а потом решительно

устремляется вслед за девушкой, чтобы взять злодея с поличным, с треском ломясь прямо через подлесок и березняк. Но поздно: несчастная Галя уже задушена, убийца вытащил из портфеля бумаги, чтобы переложить в свой кейс или сумку, Исаев теряет секунды, пытаясь осмыслить происходящее, хватается за кобуру, успевает услышать свист у виска, а потом получает две пули в грудь и падает на траву. Убийца скрывается в предутренней тьме. Занавес.

– Лена.

– Что?

– Ты рассказываешь так, что это интереснее любого кино.

– Это страшнее любого кино, Адамов, если подумать. И печальнее. Ты знаешь, я всякого насмотрелась, у меня нервы луженые, а тут… Как-то глупо все у них получилось. Исаев этот вроде и взрослый дядька, майор, с пузом и пистолетом, а погиб, как мальчишка, от бестолковой самонадеянности и геройства. И девочку очень жалко. Смелая девочка, хорошая, жить бы и жить – а ее удавили, как кошку, и бросили. Надо же было им так нарваться…

– Кстати, про того, на кого они нарвались. Что про него можешь сказать?

Лена пожала плечами.

– К сожалению, не слишком много. Кроме косвенных свидетельств о навыках у меня были только следы на траве, да и тем несколько часов. Я бы сказала, что он весит не меньше 80 килограммов, скорее, от 80 до 90, при этом рост, судя по средней длине шага, вряд ли больше 175. То есть коренастый такой мужик, крепкий. Предметов одежды, личных вещей, волос не нашли, чужой кожи и крови под ногтями у Скобейды тоже не обнаружили, только ее собственные – она разорвала себе шею, когда пыталась ослабить удавку. Если прислушаться к интуиции, скажу, что он, скорее всего, немолод, точно за сорок, но почему – не знаю, не спрашивай, просто чуйка. Вот, пожалуй, и все.

На экране свадьба закончилась драмой, и астрофизик, вдохновленный известием о сигнале от братьев по разуму, решительно ушел в рассвет, скинув для убедительности намерений пиджак и брюки, а рыдающая героиня Догилевой преследовала его на такси, чтобы в эпилоге построить семейное счастье в

избушке среди снегов и метелей. Поплыли титры, медленно разгорался свет плафонов под потолком. Зрители потянулись из зала.

– Слушай, Витя, извини, что я тебя в это втянула, – сказала вдруг Леночка, когда мы спускались вместе со всеми по крутой лестнице, ведущей ко второму выходу во двор.

– Ты о чем? – удивился я.

– Ну, это же я после смерти Рубинчика позвала тебя к нам с Левиным на разговор, разве не так? Про Трусана и Капитонова рассказали тебе, интригу создали: ты же настоящий сыщик, вот, смотри, загадки какие у нас. И до чего всё дошло теперь.

Мы вышли на улицу. Лена стояла передо мной и чуть щурилась от белесого яркого солнца, окруженного туманной дымкой. Глаза у нее были сейчас темно-синие, а волосы отливали черной медью.

– Это ведь из-за того, что ты начал эти странные смерти расследовать, все так получилось, да?

– Не совсем, – ответил я и попытался улыбнуться. – Не переживай, Лена, все образуется. Прорвемся. Где наша не…

– Просто я себе не прощу, если с тобой что-то случится, – перебила она и вдруг быстро прижалась губами к моим губам. Это было так неожиданно, что я неподвижно замер, будто неловкий школьник, не знающий, куда девать руки во время медленного танца, а Леночка так же резко оторвалась от меня и пошла прочь.

– Лена! – окликнул я.

Она остановилась и обернулась. Между прищуренных век что-то ярко блеснуло бриллиантом чистейшей воды.

– Когда все закончится, я тебя обязательно приглашу еще раз, обещаю!

– Не обещай. – Она махнула рукой, улыбнулась и скрылась под аркой, ведущей на Невский проспект.

Рядом с серо-желтой стеной с единственным слепым окном рос старинный раскидистый тополь, под которым в прохладной тени расположилась скамейка. Беспощадная дневная жара еще не дотянулась до этого маленького оазиса, и я присел, с удовольствием вытянув ноги, закурил и стал смотреть на сизых голубей, осторожно бродящих поодаль в надежде на угощение. У них были оранжевые глаза и оперенье на шее, переливающееся радужными цветами, как бензиновая пленка на луже.

Про убийство Исаева и Гали Скобейды я теперь знал столько же, сколько знали мои коллеги или сотрудники Комитета. Знание это могло быть полезным постольку, поскольку причины трагедии так или иначе были связаны с работой Ильинского, а убийцей был, вероятнее всего, тот самый таинственный резидент, которого безуспешно пытался вычислить Жвалов. Я вспомнил про пирожки, вареники с вишней, драники с грибами и луком, которыми поддерживали свои творческие силы блестящие молодые ученые, сутки напролет работавшие над изобретением, соразмерным самой человеческой цивилизации… Кажется, как давно минули те яркие, счастливые дни. Эх, Галя, Галя. Права Лена: как глупо получилось все, и как грустно. Впрочем, куда больше, чем сожаления о трагической гибели несчастной Скобейды, мне не давало покоя другое.

Яна не могла не знать о предательстве со стороны гнусного Хоппера и засаде в автобусе хотя бы потому, что все это отразилось в сфере вероятностей за пару суток до мнимого бегства в Финляндию. Моего понимания ее информационных возможностей и машинерии закулисья хватало, чтобы увидеть сценарий циничного фарса, спланированного так пекущейся о благе всего человечества элохим и разыгранного ею, как по нотам: заранее договорилась со своим снабженцем Кавуа об изготовлении тел-дубликатов; вовлекла в дело меня и моих несчастных соседей, предложив каждому свой вариант убедительной лжи; потом вместе с Саввой скрылась куда-то, подставив двух репликантов, которые и совершили весь путь от дома на Лесном до автобуса, а потом благополучно отключились, когда Жвалов с командой уже готов был торжествовать победу. Технические детали были не так важны, как суть хладнокровного замысла: выставить себя и Ильинского мертвыми, чтобы избавиться от преследования КГБ, заплатив за это судьбами десятка людей, помогавших им искренне, безвозмездно и самоотверженно.

Я уже попривык и смирился с тем, что для элохимов и шедов люди являются разменными фишками, которые без сожаления бросают на стол, ведя большую игру; но не мог представить себе, что это холодное рассудочное равнодушие разделяет и Савва. Как он мог согласиться на такой план? Настолько гениален, что чувствует себя выше других? Так рационален, что считает приемлемым пожертвовать подарившими ему гостеприимство, помощь и дружбу людьми ради некоей высшей цели? Так уверен в Яне, что не подвергает сомнению ни слова ее, ни поступки? Практической пользы от ответа на эти вопросы, на первый взгляд, никакой не было. Но что поделать: меня, черт побери, волновало, почему Савва так верит этой рыжекудрой проныре и почему соглашается на все, что она ни предложит.

Я чувствовал, что здесь есть какая-то тайна, разгадка которой, возможно, связана с алогичной и странной для рационально мыслящей элохим привязанности к внешнему облику тоненькой рыжей девицы: она могла поменять его и до, и после встречи со мной, но вот, поди-ка – держалась за него с необъяснимым упрямством, невзирая на то что весь город был густо оклеен объявлениями «Внимание, розыск!» с ее изображением.

Эта загадка не давала мне покоя с тех самых пор, как Яна с Саввой заявились ко мне домой, и теперь настало время ее разрешить.

* * *

Неспешный трамвай, покачиваясь и дребезжа, провез меня через город. Давно минуло время утренней толчеи, близился рабочий полдень, и в вагоне было совсем немного людей. В открытые форточки вползал влажный жар, запах города и едкий дым, но и закрывать окна было немыслимо, если только не иметь целью запечься, как рыба в духовке. На пляже у Петропавловской крепости в мутноватой невской воде покачивались, как поплавки, десятки голов, а у стен выстроились загорающие – кто-то еще по-ленинградски бледно-рыхлый, кто-то по-южному коричневый до черноты, – стояли, жарились на солнце и коптились в дыму.

– У дочери на работе одна женщина рассказывала, что ей муж говорил, у которого брат в Комитете служит, что это наша ракета с космонавтами рухнула, оттого и леса загорелись. Был, говорит, неудачный запуск, вроде как герметизация произошла, и корабль упал, все погибли, а топливо разлилось,

потому и пожар такой сильный.

Немолодая женщина в белой тряпочной кепке с широким зеленоватым пластмассовым козырьком заговорщицки нагнулась к своей спутнице.

– А что же не сообщили тогда? – с сомнением отозвалась та.

– Да кто ж сообщит о таком, – вздохнула первая.

– Не ракета, а американский бомбардировщик, – вдруг решительно пробасил крупный мужчина в сетчатой майке и с удочками в руках. – И не упал, а наши его сбили. А не сообщают, чтобы паники не было, потому что у него ядерные бомбы были на борту, их сейчас ищут, а если не найдут, то доберется до них огонь – и все, поминай как звали!

Завязалось было подобие вялого спора, но тут трамвай выехал на мост, и все разом смолкли. Дым над водой вился густыми клубами и кольцами, словно исполинские хищные змеи наплывали на набережные, скрывая из глаз дома и деревья, а на северо-востоке раскаленное бело-голубое небо темнело, превращалось в темно-сизое, наливаясь жуткой предгрозовой чернотой, но то были не грозовые тучи, а дым пожарищ, подступивших совсем близко к городу.

Я вышел из трамвая на улице Савушкина, перешел дорогу и, старательно обогнув по широкой дуге новую станцию метро, дворами отправился к Приморскому проспекту.

Наблюдение с квартиры, где Савва жил с мамой, контрразведка уже должна была снять, но я на всякий случай осторожно обошел вокруг почтенного четырехэтажного дома, присматриваясь к машинам и людям. Ничего: ни припаркованных автомобилей с пассажирами и УКВ-антенной на заднем крыле, ни праздношатающихся армейского вида мужчин, ни сомнительных типов на лавочках, прикрывающихся газетой. Только во дворе две девочки лет десяти сосредоточенно прыгали на одной ноге по расчерченному асфальту, загоняя носочком туфли баночку из-под ваксы в меловые квадраты.

В парадной было свежо, прохладно и тихо. Я поднялся на третий этаж, одернул рубашку, пригладил волосы и нажал кнопку звонка. За тонкой крашеной дверью задребезжала длинная трель, потом послышались легкие шаги, лязгнул замок и

дверь отворилась.

– Здравствуйте, Леокадия Адольфовна!

Она оказалась совсем невысокой, едва мне по плечо, но принадлежала к тем редким людям, на которых, как ни старайся, не получится смотреть сверху вниз, словно их внутренняя сила и особое чувство достоинства искривляют пространство и перспективу. У нее были светлые волосы, уложенные в безупречную прическу, сообразную возрасту и актерской профессии, простое домашнее черное платье и серебряная брошь в виде трубящего ангела на груди.

– Здравствуйте, – отозвалась она, окинув меня оценивающим взглядом от макушки и до ботинок. – Чем обязана?

У нее было потрясающее грудное контральто; такой голос в крещендо может заставить стихнуть морскую бурю, но сейчас его сила была приглушена, словно гудящее пламя пожара укротили и посадили на фитиль стеариновой свечки.

– Меня зовут Виктор Адамов, – представился я. – Я друг Саввы.

– А вы его друг из милиции или из КГБ? К нему в последнее время другие друзья не заходят.

Я замялся, а Леокадия Адольфовна продолжала:

– Впрочем, неважно. Кем бы вы ни были, вам должно быть известно, что Савва погиб. Потрудитесь уважать чувства матери, потерявшей единственного сына. Нам не о чем говорить.

Она величественно повела рукой и стала закрывать дверь.

– Я знаю, что ваш сын жив, и знаю, что вы это тоже знаете, Леокадия Адольфовна, – сказал я и быстро добавил: – Как он с вами сейчас связывается, снова через телевизор?

Дверь прекратила свое движение. Леокадия Адольфовна еще раз внимательно посмотрела на меня, поджала губы и чуть посторонилась.

– Входите.

Я шагнул в полумрак маленькой прихожей. За спиной мягко щелкнул замок.

– Снимайте башмаки, если хотите – вот тапочки, надевайте и проходите.

Интеллигентную тишину квартиры нарушало деликатное бормотание радиоточки на кухне. Было немного душно и пахло старым паркетом, книгами и цветами. Мы прошли по неширокому коридору мимо закрытой двери и оказались в гостиной: невысокая горка с посудой, диван, круглый обеденный стол, застеленный белой скатертью, ваза с огненными астрами посередине стола, венские стулья; в углу рядом с высоким комодом два кресла, низкий столик, торшер и узкий шкаф с книгами, уходящий под потолок. Ни театральных афиш, ни фотографий в сценических образах, ни артистических дипломов или наград на стенах; только на комоде рядом с часами в резном деревянном чехле теснились несколько фотокарточек в простых металлических рамках. За дверью балкона – прямоугольная терраса и едва различимый сквозь дым парк на другом берегу реки.

– Располагайтесь, – Леокадия Адольфовна указала на кресла. – Хотите чаю? Но имейте в виду, я пью очень крепкий.

Я заверил, что крепкий – это как раз то, что нужно.

Леокадия Адольфовна вышла – готовить чай и собраться с мыслями. Я подошел к комоду с фотографиями: маленький мальчик в матросском костюмчике позирует в ателье рядом с игрушечной лошадкой на колесиках; вот он же в школьной форме с октябрятской звездочкой на груди и огромным букетом гладиолусов – наверное, второй или третий класс; вот он уже старше, лет десяти, вместе с мамой на море: оба счастливо щурятся, стоя на песчаном пляже, на Савве белая панамка, трусы и сандалии, густые длинные волосы его молодой мамы отброшены в сторону морским ветром. Еще был Савва с пробивающимися над верхней губой редкими усиками, застенчиво демонстрирующий в объектив аттестат зрелости, Савва на лыжах в зимнем лесу, и снова с мамой – солнце, горы, фигурная виньетка вокруг снимка и изогнутая подпись «Геленджик, 1963». А в самом центре стояла небольшая порыжевшая от времени фотокарточка: маленькая девчушка в зимней военной шинели и шапке, со снайперской винтовкой в руках, улыбается в объектив, стоя рядом с тремя

рослыми автоматчиками в железных нагрудниках.

Леокадия Адольфовна вернулась, неся в руках большой чайник с кипятком и заварник. Посмотрела на меня, кажется, неодобрительно и сказала:

– Это с однополчанами, в декабре сорок третьего. И если вы уже все посмотрели, сделайте одолжение, помогите мне с чашками.

Я помог, и мы сели пить чай. Он был очень горячий и черный, как нефть.

– На всякий случай, если все это какая-то непристойная провокация, – заговорила Леокадия Адольфовна, – сообщаю, что я нахожусь в состоянии тяжелейшего шока после утраты сына, а потому могу всему верить и говорить полнейшую бессмыслицу, ничего общего не имеющую с истиной. Это ясно?

– Вполне, – ответил я.

– Вот и славно. Почему вы решили, будто я знаю, что Савва жив?

– Он очень вас любит, Леокадия Адольфовна. И никогда не подверг бы вас такому страшному испытанию: пережить его смерть в то время, когда он живой.

Что-то едва уловимо смягчилось в ее взгляде. Она была женщиной стальной воли, героем-снайпером и настоящей актрисой, но, несомненно, мамой – в первую очередь.

– Савва действительно связался со мной вечером в пятницу – нет, не через телевизор, по радиоточке на кухне, и предупредил о том, что вынужден будет инсценировать свою гибель. Но даже если бы он этого не сделал, я бы не поверила в его смерть.

– Почему?

– Я мать, – веско сказала она. – Неужели вы думаете, что я бы не отличила моего мальчика от этого… этой копии, как бы хорошо она ни была сделана?!

– Мне рассказывали, что во время опознания даже патологоанатомы рыдали, как дети.

Леокадия Адольфовна чуть улыбнулась.

– Молодой человек, когда я исполняла Медею, то рыдал весь зрительный зал – и не отпускал меня с поклона по пятнадцать минут. Чего бы я стоила, если бы не смогла убедительно сыграть перед прозекторами?

Она отпила глоток чая и поставила чашку на блюдце.

– Так что же вас привело ко мне?

– Я капитан уголовного розыска, теперь уже, вероятно, бывший. Я помогал Савве скрыться от сотрудников госбезопасности и перейти государственную границу – ну, или думал, что помогаю. В результате я сейчас нахожусь в розыске по обвинению в государственной измене и шпионаже, мои друзья, которых я втравил в это дело, в тюрьме, а где Савва – понятия не имею.

Леокадия Адольфовна сочувственно качнула головой.

– Что ж, если все так – мне искренне жаль. Похоже, что вы порядочный человек и пострадали как раз из-за своей порядочности, что случается, увы, куда чаще, чем того бы хотелось. Но вам не стоило помогать Савве в этой безумной затее: бросать работу, прятаться от контрразведки, бежать за границу… Ни в какие ворота, конечно. Я верю, что вы хотели спасти его от беды, да вот только беда Саввы – уж никак не чекисты, которые просто хотят вернуть его в институт.

– А что же?..

– Она. – Голос Леокадии Адольфовны стал твердым, как звонкая сталь. – Если вы так хорошо осведомлены о делах моего сына, то и про нее вам, несомненно, известно. Вот кто настоящая беда – эта Яна, пропади она пропадом. Когда три недели назад под утро Савва вдруг позвонил мне и так путано начал рассказывать, что ему нужно все бросить, бежать, скрыться, я, конечно же, была потрясена, ничего не понимала, терялась в догадках. А потом ко мне пришли сотрудники Комитета, показали её фоторобот – и все встало на свои места.

– Так вы с ней знакомы?

– Даже слишком хорошо! – Глаза Леокадии Адольфовны метнули молнию. – И ей прекрасно известно, что я понимаю, какое влияние она оказывает на Савву; она и на глаза мне не показалась ни разу, когда он разговаривал со мной через экран телевизора!

Она перевела дыхание. Я слушал.

– Бог знает, как сын это делал: связывался посредством экрана, по радио. Хотя такое я еще как-то могу если не понять, то объяснить для себя, наука сейчас развивается огромными шагами, а мой сын всегда был на переднем крае этого развития. Но есть то, что я не могу объяснить: например, как в жизни Саввы снова появилась эта девица – сейчас, спустя столько лет, нисколько не изменившись…

Леокадия Адольфовна встала, вышла из комнаты и через минуту вернулась с небольшим пожелтевшим конвертом.

– Так, это не то… – В конверте шуршало, мелькали светлые поля фотографий. – Это тоже не то… так… где же… А! Вот! Пожалуйста, полюбуйтесь.

Она протянула руку и положила на стол фотографию. Я взглянул и чуть не подавился чаем.

На черно-белой фотокарточке среди пышных кустов рядом с каким-то забором застыл Савва – только начавший вытягиваться тощий подросток с напряженным и настороженным взглядом. А с ним рядом, плечом к плечу, стояла и насмешливо щурилась в камеру Яна.

– Сыну тут тринадцать, – сказала Леокадия Адольфовна. – Май 1963 года, после седьмого класса. И ей, должно быть, столько же.

Я присмотрелся, преодолевая невольную жуть. Девочке на фото и правда вряд ли было больше четырнадцати – но это была Яна, несомненно, она, повзрослевшая за двадцать с лишним лет всего года на два или три.

– Яна появилась в школе у Саввы в седьмом классе, во втором полугодии учебного года. Попала она туда как «блатная»: вроде бы внебрачная дочь какого-то высокопоставленного партийного работника – так говорили. Из прошлой школы ее то ли выгнали по причине трудного характера и неподобающего поведения, то ли они с матерью переехали из другого города – не знаю, справок я не наводила. Мать ее не работала, вела рассеянный образ жизни и ни разу за все то время, пока длилась эта странная дружба между Яной и Саввой, не удосужилась прийти познакомиться. Я тоже знакомства с ней не искала: может быть, вы сочтете меня старомодной или какой-то слишком принципиальной, но от женщин определенного сорта я всегда держалась подальше.

Яблочко, как говорится, от яблони: Яна была девочкой дерзкой, с учителями могла повести себя неуважительно – отказаться, например, мыть полы в классе или прийти на субботник, – но не бесталанной. Наверное, потому они и сдружились с моим сыном: такая, знаете, яркая, непокорная девчонка-подросток, да еще и прекрасно разбирается в математике, много читает, увлекается астрофизикой – вот так все и началось.

Они с матерью жили на Удельной, в одном из «немецких» двухэтажных домов, с палисадником, калиткой и отдельным входом в квартиру. Это мне Савва рассказывал, он часто ходил туда в гости. Яна к нам тоже зашла один раз – но я, знаете ли, человек прямой, отношения своего к людям скрывать не привыкла, так что больше дома у нас она не появлялась. Кто знает, может быть, мне и стоило тогда сделать усилие над собой…

Мы в то время жили еще в Озерках, в старом доме, от Удельной это минут двадцать пешком или десять минут на трамвае. Савва уже целый год ездил в школу самостоятельно и взял привычку выходить на Удельной, ждать Яну – а она имела обыкновение опаздывать! – и потом они вместе ехали в школу. После уроков, если они не шли гулять, или в планетарий, или в библиотеку, Савва провожал Яну до дома и почти всегда засиживался в гостях до позднего вечера. Конечно, Яна на него влияла, и уж точно не в лучшую сторону: например, это она увлекла его астрономией, так что сын и долгое время спустя хотел поступать учиться на астрофизика, и мне стоило больших усилий его переубедить. Девочкой она была, как я говорила уже, довольно начитанной, но литературу предпочитала поверхностную: Купер, Буссенар, Стивенсон – и Савва стал фантазировать о приключениях, говорил, что хотел бы стать героем какого-нибудь авантюрного романа; дело дошло до того, что у него в бумагах я начала

находить наброски рассказов про каких-то пиратов и даже рисунки к ним – и это у мальчика, который переписывался с самим академиком Пряныгиным! В общем, дела шли все хуже, и закончилось все тем, чем и должно было: тремя «четверками» в последней четверти, причем по самым важным предметам: алгебре, геометрии и физике! Для меня это был настоящий удар. Я пошла в школу и там выяснила, что падением успеваемости дело не ограничивается: оказывается, весь май у моего сына копились прогулы, которые он скрывал, искусно меняя в дневнике страницы с замечаниями на чистые, которые вытаскивал из другого дневника, специально для этого купленного. В общем, как вы понимаете, тогда у нас состоялся довольно крупный разговор… Вы не возражаете, если я закурю?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Статья 64 УК РСФСР «Измена Родине».

2

Вероятно, Адамов упоминает о случае похищения бразильского фермера Антонио Виллаш-Боаша в 1957 году. Тот утверждал, что на борту НЛО над ним проводили эксперименты и принуждали к вступлению в половую связь с гуманоидным существом женского пола.

3

Образцов Виктор Александрович, советский и российский учёный-криминалист, доктор юридических наук, профессор.

Купить: https://tellnovel.com/konstantin-obrazcov/edinaya-teoriya-vsego-tom-4-final-nyy-antropnyy-princip-prodolzhenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити